

Л.С.Окунева

Импичмент президента Бразилии: размышления и выводы

В статье представлены некоторые выводы и размышления о драматических перипетиях острейшего политического кризиса в Бразилии, результатом которого стал импичмент президента Дилмы Руссефф. Рассматривается полемика вокруг оценки импичмента как «демократической процедуры» либо «переворота», анализируются его причины, в частности, кризисное состояние экономики, политической и партийной системы, государственного управления, а также роль личностного фактора в развитии событий.

Ключевые слова: Бразилия, импичмент, Дилма Руссефф, Лула да Силва, Мишел Темер.

31 августа 2016 г. бразильский сенат поставил точку в многомесячном марафоне импичмента президента Дилмы Руссефф. 61 голосом против 20 принято решение о ее окончательном отстранении от высшей государственной должности. Вердикт сенаторов под председательством главы Верховного суда, как того требует Конституция страны, гласил: Д.Руссефф признана виновной в нарушениях финансовой отчетности кабинета за 2014 и 2015 гг., а также в запрещенном законом кредитовании правительства госбанками и увеличении госрасходов без одобрения парламента (по Конституции это — «преступления в бюджетно-финансовой сфере»). Вместе с тем отдельным голосованием за ней сохранили право занимать государственные должности. Власть перешла в руки бывшего вице-президента Мишела Темера, с 12 мая временно исполнявшего обязанности президента. Все последние месяцы он мечтал освободиться от приставки «врио» и с 31 августа, не скрывая торжества, стал полноправным главой государства до 1 января 2019 г.

Теперь, когда многомесячный марафон импичмента завершен, важно подвести итоги и поразмышлять о том, *что это было*. Для восстановления хода событий, необходимого для понимания случившегося, отсылаю читателя к моим двум предыдущим работам (первая — о событиях с момента зарождения движения за импичмент до временного отстранения Руссефф

Людмила Семеновна Окунева — доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН (liudmila31@yandex.ru).

12 мая 2016 г., вторая — о развитии событий с 12 мая по 31 августа 2016 г.)¹. В данной же статье представлен ряд концептуальных соображений, порожденных анализом этого феномена.

ИМПИЧМЕНТ: ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ ИЛИ «КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ»?

Главный фокус всех споров — может ли легальный и демократический процесс импичмента как конституционная процедура отрешения президента от должности на деле означать «конституционный переворот»? Этот вопрос расколол и политический класс, и социальные движения, и экспертов — как бразильских, так и зарубежных.

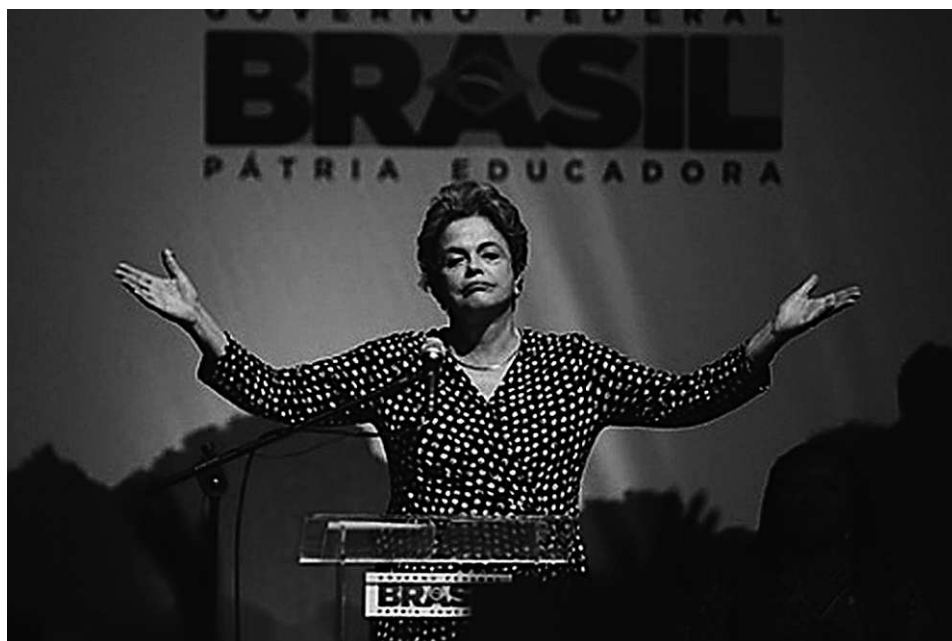
Является ли *демократическое* смещение *демократически* избранного и в силу этого легитимного президента *демократией*? Сторонники оппозиции выходили под лозунгами «impeachment já» («За немедленный импичмент»). Эти слова — аллюзия известного лозунга «Diretas já» — «За немедленные прямые выборы президента», который в 1983—1984 гг. стал олицетворением главного требования бразильского общества на этапе перехода от правления военных к демократии и под которым по всей стране шли миллионные манифестации. «Diretas já» стал символом демократии в Бразилии. А в 2016 г. прямая переключка «impeachment já» с этим девизом и говорила бразильцам об этой связи, и напоминала о демократической природе процедуры импичмента.

Итак, дилемма: «демократическая процедура импичмента или парламентский переворот». Рассмотрим все точки зрения по этому вопросу.

«Это — импичмент». Юридической базой импичмента законодатели назвали нарушения бюджетно-финансовой дисциплины, финансовые нарушения при распределении бюджетных средств, превышение служебных полномочий в финансовой политике. В Конституции и конституционных законах Бразилии это трактуется как преступление в бюджетно-финансовой сфере и является основанием для импичмента. Но возникает вопрос: было ли это «преступлением при предоставлении отчетности», (*crime de responsabilidade fiscal*), на чем настаивали противники Руссефф и сам Верховный суд, или просто нарушением финансовых правил? Дилма и сама признала, что некие «перебрасывания» бюджетных средств из одной «корзины» в другую имели место. Но она и ее сторонники считали, что это не является ни преступлением, ни основанием для импичмента, т.е. «бухгалтерские маневры», по их словам, не подпадают под те причины, которые Конституция считает достаточными для импичмента.

Этот пункт и является водоразделом в данном вопросе. Разделились и мнения юристов. Подобного рода разночтения Основного закона должен трактовать Конституционный суд. В Бразилии его функции переданы Верховному суду, который дал официальное толкование, что данные нарушения действительно проходят по категории «преступлений против государства» и должны вести к импичменту.

Оценивая сам институт импичмента, необходимо понимать: это — демократическая, установленная 52-й статьей Конституции 1988 г. юридическая процедура, по самой своей букве не допускающая ни самоуправства, ни волюнтаризма. Это — строгий процесс с детально прописанным регла-

ментом. Демократизм и законность процедуры обеспечиваются ее многоступенчатостью и альтернативностью. Суть многоступенчатости заключается в наличии шести стадий (специальная парламентская комиссия нижней палаты, сама нижняя палата, специальная сенатская комиссия, три стадии в сенате). На всем протяжении нынешнего импичмента *ни разу* не был нарушен принцип равенства и состязательности сторон: на каждом этапе в деле участвовали не только обвинение, но и *в обязательном порядке* — защита; никто, даже самые рьяные противники импичмента, не могли отрицать его развертывание в полном соответствии с «буквой и духом» Конституции. Альтернативность же означает ситуацию, при которой на каждой стадии есть варианты: путем голосования в определенных пропорциях — простым большинством или двумя третями голосов (причем, «обвиняемого» труднее осудить и легче оправдать, так как для осуждения надо собрать *наибольшее*, а не наименьшее количество голосов) *на каждом этапе процесс можно остановить*, и тогда президент возвращается на свой пост. Даже в сенате, когда (и опять же не сразу, а после определенного предварительного голосования) процесс вступает в окончательную стадию и может продлиться до полугода, а действующий президент на этот период временно уходит со своего поста, — даже в этом случае законодатель предоставляет формальную возможность *не собрать* требуемых двух третей голосов, и тогда приговор *не вступает* в силу; президент оправдан и возвращается на свой законный пост.

В ходе бразильского импичмента 2016 г. на протяжении всего процесса все стороны конфликта имели конституционную возможность заявлять о своих правах и отстаивать их в суде, в том числе в Верховном суде. Собственно импичмент как «политический суд» (его последний и решающий этап) проходил в сенате не просто под наблюдением Верховного суда, но под руководством его председателя и в присутствии спикера сената, т.е. был

«освящен» присутствием глав двух ветвей власти. Судьями были сенаторы, избранные на выборах: выше этой инстанции уже ничего не может быть.

И, наверное, самым крупным и, видимо, горьким для Руссефф аргументом в пользу сторонников оценки бразильского случая именно как *импичмента*, а не *переворота* стала позиция самого общества. Импичмент не смог бы состояться, если бы не разворачивался под аккомпанемент громко звучавшего *vox populi*. Сторонники Дилмы не могли не признать печального для них, но реального факта: ее политика привела к тому, что президент заметно дистанцировалась от общества, а общество отделилось от нее. Хотя Дилма и Лула имели устойчивый электорат (даже на протяжении кризиса 2015—2016 гг. он не падал ниже 30—32%), но все же около 60% были против Дилмы и, соответственно, за Темера, а это нешуточная цифра, от которой нельзя отмахнуться.

«Это — парламентский переворот». Каковы аргументы тех, и прежде всего самой Дилмы, кто заявлял, что это никакой не импичмент, а «переворот» — пусть вроде бы конституционный, «парламентский», но все же переворот*? Они справедливо аргументировали свою позицию небывалым за последнее время наступлением правых сил, стремившихся перечеркнуть социальные и политические успехи латиноамериканских «новых левых».

И действительно: дело об импичменте, казалось бы, сугубо юридическое, но оно разворачивалось в столь острой и конфликтной политической ситуации, было столь *политизировано*, что на первом плане оказывались не беспристрастная Фемида с завязанными глазами, а стремление устранить от власти неугодных политиков, сменить сам вектор развития страны (курс только что пришедших правителей прямо противоположен предыдущему: урезание бюджета и социальных программ, широкая программа приватизации «флагманов» национального достояния — символов борьбы за экономическую независимость 1950—1960-х годов). «Конституционный переворот» и означает, что *правовые рычаги используются в политических целях*. Получается «импичмент» в кавычках, т.е. формально юридический процесс, под сенью которого решаются вопросы сугубо политического свойства**.

Острые борьбы было направлено против левых — Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) и Руссефф. Не зря Дилма и ее сторонники утверждали: разве вмененные ей финансовые нарушения не имели место при других президентах (и Кардозу, и Луле), разве не так действовали и действуют многие губернаторы, мэры в те моменты, когда возникают затруднения при финансировании социальных программ на местном уров-

* Свой главный тезис об «импичменте как перевороте» Дилма неоднократно подтверждала таким сравнением: «Если «военный переворот» срубает дерево под корень одним ударом топора, то его «парламентский» вариант, примененный против меня, можно сравнить с пересадкой на это дерево жуков-короедов, чтобы они подточили его и умертвили — не сразу, а постепенно»².

** О тесной и даже неразрывной связи юридических и политических аспектов импичмента говорил и политический противник Дилмы (и Лулы), но отдававший ей должное как честному политику Фернанду Энрики Кардозу. Точную формулировку предложил бывший президент Парагвая Фернандо Луго: «Конституционным путем с помощью политического судебного решения снять с должности избранного большинством голосов президента»³.

не?*. Но получается, что пока последние не нарушали статус-кво правящих элит, на их маневры закрывали глаза. В случае же левых высший средний класс, высокопоставленные представители политического истеблишмента, финансовые и промышленные магнаты, крупный капитал — вся социальная элита, воспользовавшись и экономическим кризисом, ударившим по ее интересам, и реальной виной РТ, вовлеченной в коррупцию, и очевидной слабостью правительства, обусловленной конфликтом исполнительной (левые) и законодательной (правые) ветвей власти, решила дать бой президенту на правовом поле, криминализовав правящую партию, вытащив на свет ее прегрешения — возможно, реальные, но которые не инкриминировались иным политическим силам и персонажам и даже не выносились на общественное обсуждение. Роль катализатора при обострении ситуации сыграло и решение Лулы вступить в предвыборную гонку 2018 г. — окрепшие правые решили ни в коем случае не допустить следующего президентского мандата РТ. Лула не был утвержден Верховным судом в должности руководителя президентской администрации (обстоятельства получения этой должности были действительно скандальны и составили одну из крупнейших ошибок Дилмы и Лулы), а в конце июля 2016 г. он был официально признан виновным сразу по целому «букету» дел с коррупционной составляющей, что в перспективе должно было окончательно перекрыть ему дорогу к президентской гонке 2018 г.

Заявляя о «парламентском перевороте», Руссефф говорила, что она лично не виновна («я не украла ни одного сентаво, я не прохожу ни по одному делу о коррупции, я не замечена в незаконном обогащении»⁴), и это чистая правда. Но справедливости ради надо сказать, что *по этим основаниям* никто ее и не обвинял. Ей вменялись в вину лишь вышеупомянутые деяния *против государства*, и даже тот факт, что она в бытность руководителем президентской администрации и главой совета директоров компании «Petrobras» знала о наличии там коррупционных схем, но покрывала их, не был предъявлен ей в качестве официального обвинения, а фигурировал в виде некоей моральной инвективы.

Правда и то, что импичментом поправен выбор 54,5 млн избирателей, отдавших Дилме свои голоса на выборах 2014 г., что обвинения выдвинули против нее те, на кого *именно по ее представлению* были заведены дела по участию в коррупции (по иронии судьбы не кто иной, как Дилма, будучи

* Три ярких примера в этом ряду. Первый — губернатор штата Минас-Жерайс Итамар Франку в начале 1999 г. перестал переводить в федеральный бюджет налоги штата, обосновав этот шаг необходимостью выплачивать зарплаты бюджетникам, что спровоцировало финансовый кризис, впоследствии вышедший за рамки Бразилии и приобретший международный характер (т.н. «бразильский кризис» января 1999 г.). Второй — совсем свежий: открытое в мае 2016 г. следствие против лидера оппозиции Аэсиу Невиса, предъявившее ему обвинение (по эпизодам, связанным с его губернаторством в штате Минас-Жерайс в 2003—2010 гг.) практически по тем же «финансово-бюджетным» статьям, которые были инкриминированы Руссефф. Третий — те же финансовые нарушения преемника Невиса на посту губернатора Антониу Анастасиа, автора обвинительного доклада сенатской комиссии против Дилмы. Однако ни в одном из перечисленных случаев эти действия в момент их совершения не повлекли за собой никаких «оргвыводов». В связи с этим уместно напомнить высказывание генсека ОАГ Луиса Альмагро, заявившего, что «одно лишь плохое управление госфинансами не является — в рамках президентского режима — достаточным основанием для смещения президента».

впервые избрана на президентский пост в 2010 г., повела упорную борьбу с коррупцией и заявила, что будет бороться с этим злом «24 часа в сутки», — и выполняла обещание!). Это — и бывший спикер нижней палаты Эдуарду Кунья, и две трети депутатов этой палаты, и многие сенаторы, и десятки высокопоставленных чиновников и политиков из всех без исключения партий, т.е. верхушка политического класса. Произошедший на данной основе сговор вице-президента Темера с Куньей, а затем и со спикером сената Ренаном Калейрусом, несомненно, обнажил неприкрытый политический подтекст в отношении обвинения Руссефф.

Подобная политическая составляющая, несомненно, оказала определяющее воздействие на юридическую форму импичмента. В бразильской юриспруденции феномен импичмента имеет двоякую коннотацию: юридическую (за реальным преступлением должна следовать легитимная процедура) и политическую (т.к. он разворачивается на площадке сената). Теоретически обе эти составляющие должны уравнивать друг друга. Но в случае Руссефф политика явно превалировала: потеря президентом поддержки законодательной власти, нередкая в президентских режимах, привела не к диалогу ветвей власти, а к лишению демократически избранного лидера страны его поста.

Явно политический ракурс просматривался и в разнузданной кампании подлинной травли, развернутой против Руссефф в СМИ* («самый провальный президент в истории Бразилии»), и в том, как торопливо действовали сблизившиеся с оппозицией (и сами превратившиеся в оппозицию) бывшие союзники РТ — Партия бразильского демократического движения (Partido do Movimento Democrático Brasileiro, PMDB) и примкнувшие к ней мелкие партии, ранее составлявшие вместе с РТ правительственную коалицию, и собственно оппозиция (Партия бразильской социал-демократии, Partido da Social Democracia Brasileira, PSDB), чтобы скорее подвести черту под более чем 13-летним правлением левых.

Остается лишь сожалеть о том, что демократически прописанным правом воспользовались силы, по-человечески ничтожные, во многом аморальные, явные предатели, сплетавшие паутину заговора за спиной законного президента, не гнушавшиеся самыми низкими и циничными методами для достижения своих, безусловно, корыстных целей, готовые на подкуп и беззастенчивый, неприкрытый торг за выгодные места, ринувшиеся на дележ министерских должностей и олицетворявшие собой, по выражению бывшего президента Боливии Карлоса Меса, «высокий градус политического бесстыдства», а, по словам бразильских экспертов, — «политических гангстеров», подобных Кунье⁶.

Юриспруденция оказалась тесно связана с политикой и еще в одном важнейшем аспекте, который ориентирован уже не в прошлое, а в будущее. Стремясь столь скрупулезно исполнить все мельчайшие детали процедуры, ни на йоту не отступить от протокола, сторонники импичмента не учли серьезности ими же созданного опасного *прецедента*: отныне все будущие

* Кто вспоминал тогда, сколь успешным было начало первого мандата ее президентства, каким высоким — рейтинг, какой массовой — поддержка общества! Рейтинг Дилмы в первые 100 дней — 73%, в конце 2012 — начале 2013 гг. — 70-80%, что превышало традиционно высокие показатели Лулы. Дилма стала успешным президентом, *бразильцы были довольны ею*⁵.

президенты, губернаторы и мэры могут быть подвергнуты данному наказанию. Если же этого не случится, и импичмент по подобным статьям останется примененным лишь к Дилме, то придется говорить о недопустимой в демократическом обществе избирательности правосудия.

Кроме того, впервые примененное (не предусмотренное в Конституции) раздельное голосование по импичменту, в результате которого Руссефф не была лишена политических прав, свидетельствовало о том, что сами сенаторы сознавали несоразмерность «преступления» и «наказания», и, значит, политическая составляющая в их действиях опять возобладала.

«Переосмыслить импичмент». Описанные выше сложности идентификации импичмента породили немалое смятение и среди латиноамериканских экспертов, гораздо более искушенных в данной проблематике. Появился призыв к *переосмыслению самого понятия импичмента как «политического суда»*: осознать, чего здесь больше — *судебной составляющей*, в которой обвинительный уклон должен быть обоснован законом, или *политической*, т.е. аналогичной той, которая используется в парламентских республиках, когда после объявления парламентом вотума недоверия правительству можно отправить кабинет в отставку и объявить досрочные выборы*.

И когда это переосмысление произойдет, и все имеющиеся трактовки импичмента будут приведены к единому знаменателю, разрешатся многие вопросы, кажущиеся сегодня *несоответствиями*. Да, проигравшая сторона — Руссефф, Лула, РТ, левый электорат — естественно, недовольны исходом дела, но они не могут на этом основании называть переворотом то, что официально прописано в Конституции, к соблюдению которой они всегда призывали своих сторонников. Как оценить иронию истории, когда импичмент *другого* бразильского президента в далеком 1992 г. за «причастность к коррупции» был назван левыми во главе с Лулой «триумфом демократии», но не кто иной, как сегодняшний Лула, ныне сам попавший в жернова юстиции, заявлял об импичменте Руссефф как о проявлении «путчизма» и считал импичмент несовместимым с демократией. Руссефф неустанно называла импичмент переворотом, «забывая», что именно РТ выступила за им-

* Данный вопрос находится в центре оживленного внимания и размышлений коллег (назову очные и заочные беседы с Александром Владимировичем Харламенко и Виктором Лазаревичем Хейфецем). Действительно: не устарело ли понимание «переворота» как способ насильственного свержения власти исключительно путем «танков на улицах»? Ведь ныне подобного рода «классический» переворот вряд ли возможен в условиях действия Демократической хартии ОАГ, ставящей барьеры на пути подобного способа решения вопроса. В таком случае: нельзя ли говорить о перевороте *по содержанию*, но не по форме? По форме это как раз может быть импичмент (В.Хейфец: в Бразилии разрабатывается новая тактика госпереворотов, имеющая видимость легального отстранения от власти). Если грубо нарушен дух (пусть не буква!) конституционной законности, когда решения принимают коррумпированные и почти поголовно подследственные парламентарии, могут ли быть правомочны подобные решения? Левые же, связанные по рукам и ногам законами президентской республики, не могли реализовать принятую в парламентском режиме процедуру роспуска парламента и назначения новых выборов. Но представляется, что в данной дискуссии есть и другая сторона. Ведь если левые упрекают правых в «конституционном перевороте», то правые левых — в «конституционной пролонгации власти» путем постоянного принятия поправок, продлевающих их власть на 3–4 мандата. И хотя впрямую это не относилось к Бразилии, где Лула был категорически против подобных действий, сам факт объявления им о своем вступлении в гонку 2018 г. напугал элиты, поскольку мог свидетельствовать о чередовании у власти левых (Лула — Дилма — Лула) при сохранении власти их партии.

пичмент Фернанду Коллора в 1992 г. Одно и то же событие по-разному видится теми, кто находится у власти, и теми, кто вне ее. Практически все аналитики, включая автора этих строк, задаются подобным вопросом.

ПРИЧИНЫ ИМПИЧМЕНТА

Импичмент стал явственным проявлением подчас незримых, развивавшихся в глубинах общественного организма политических, экономических, социальных, психологических процессов. Любопытно, что при обсуждении этой проблематики в Бразилии хотя и говорят об импичменте 1992 г., но он является не более чем воспоминанием. Нынешний процесс сильно отличается от тогдашнего: если *тогда* все было понятно и однозначно, все общество осудило президента за доказанную причастность к коррупции, и процедура импичмента воспринималась всеми политическими силами как демократическая и конституционная, то *ныне*, как подчеркивалось выше, страна разделилась в оценке этих вопросов. В те времена, на рубеже 1980—1990-х и в начале 1990-х годов, Бразилия только вступала на путь демократии и примеряла демократические одежды. Тогда они оказались ей и впору, и к лицу. Теперь же сам демократический режим породил собственные противоречия.

Бразильский кризис многоаспектный и многосторонний, и рассматривать его следует комплексно. Все возможные кризисы (экономический, социальный, политический, партийной системы, институтов, системы управления, президентской формы правления) сплелись в один тугой узел: такого невозможно было представить еще совсем недавно, в благополучное десятилетие 2003—2013 гг. Неслучайно в Латинской Америке, да и за ее пределами, «бразильский кризис» называли «бразильской трагедией». Соседи Бразилии по континенту с тревогой наблюдали за происходившими там процессами: старая максима «куда пойдет Бразилия, туда пойдет и Латинская Америка» отнюдь не утратила актуальности.

Остановимся лишь на некоторых причинах импичмента и шире — породившего его бразильского кризиса.

Экономика. Все началось, конечно, с глубочайшего экономического кризиса: бразильские авторы справедливо усматривают в нем первейшую и главную причину последовавшего затем сбоя государственной машины. «Золотое десятилетие» 2003—2013 гг. — когда весьма значительные темпы роста (7,5% в год) обеспечивали исправное функционирование экономического механизма и приток инвестиций, а высокие цены на нефть давали весомые поступления в бюджет, позволявшие развернуть широкое социальное реформирование, — осталось в прошлом. «Тучные годы» резко контрастировали с последовавшим обвалом экономики, ее проседанием буквально по всем пунктам. Наступление нового экономического цикла, характеризовавшегося падением нефтяных цен, а также цен на сырье и аграрную продукцию, возрастанием конкурентности на мировых рынках, волатильностью финансовых рынков, низкими темпами роста, усилением общей хаотизации и непредсказуемости мировой экономики⁷, напрямую влияло на экономику Бразилии, теснейшим образом интегрированную в мировую. Бразильская модель эпохи благополучного, *восходящего* развития основывалась на приоритете внутреннего рынка, росте внутреннего спроса. В ходе своего официального визита в Россию в декабре 2012 г. Рус-

сефф с гордостью говорила, что в то время как в Западной Европе приоритет в экономической политике отдается неолиберальным рецептам (урезанию бюджета и социальных расходов), Бразилия видит иную альтернативу: инклюзивный рост, рост внутреннего спроса и потребления, расширение потребительского рынка за счет увеличения покупательной способности «народных слоев» и высокой социальной мобильности для низших слоев населения. При выгодном для страны внешнеэкономическом раскладе подобная парадигма срабатывала, позволив провести масштабные социальные реформы и вовлечь в потребительский рынок десятки миллионов бедняков, раздвинув тем самым рамки среднего класса. Бразильская экономическая модель основывалась на государственном интервенционизме, весомой роли государства в экономике — «альфе и омеге» всех левых режимов. Однако завышенные потребительские ожидания и бурное развитие социальной сферы, обеспечившие рождение «нового среднего класса», стали на фоне нарастания кризисных явлений серьезным испытанием для экономики⁸. Последовавший затем глубокий и затяжной кризис повлек за собой кризис политический, особенно обострившийся в ходе президентских выборов 2014 г., когда главным вопросом стало столкновение двух альтернатив развития — государственный дирижизм *versus* усиление рыночных рычагов⁹. Победив с небольшим перевесом голосов, что свидетельствовало о расколе страны, и с трудом преодолев 50-процентную планку (что говорило не в ее пользу, учитывая, что речь шла о втором мандате: это была оценка за работу в конце первого), Дилма поняла, что должна ответить на требования «второй половины» электората. Пригласив в кабинет «неолиберального» министра экономики, она начала проводить ту самую политику, которую еще не так давно сама же критиковала: урезание бюджета, повышение налогов, сокращение социальных программ. Однако за осуществление рыночных мер на собственного президента ополчилась даже правящая РТ, не говоря уже о недовольстве народа. Если «безразмерные» социальные программы раздражали правую часть электората, то каждый шаг по их секвестру вызывал острое неприятие левых. Объект жесточайшей критики справа и слева, Дилма оказалась в полной политической изоляции.

Быть может, одним из наиболее печальных последствий экономического кризиса стали его социальные результаты. Величайшая за последние 80 лет (с момента «великой депрессии») рецессия, небывалый — около 12 млн человек — рост безработицы (которая в начале правления Руссефф резко снизилась), резкое падение покупательной стоимости зарплат, вздорожание жизни, сокращение (а не рост) числа рабочих мест — все это не могло не воздействовать самым непосредственным образом на социальную сферу. Бедняки, которых политика Лулы «вырвала» из нищеты, которые получили возможность учиться, лечиться, покупать электробытовую технику, получать жилье, летать на самолетах, — стали *возвращаться в бедность*¹⁰. 40 млн бедняков, «вытащенных» Лулой из беспросветного существования, *versus* 12 млн безработных эпохи «конца Дилмы» — с этими цифрами не поспоришь (хотя поспорить можно с другим: можно ли обвинить в этом *одного человека?*).

Поистине бездонный — и разноплановый, «о многих головах» — политический кризис. Кризис всех без исключения партий — каждой по отдельности, включая правящую, и всей политико-партийной системы. Кризис институтов и легитимности, традиционной системы управления, основанной на «коалиционном президентализме», кризис самого этого

понятия, как и президентской формы правления в бразильском исполнении, и, наконец, кризисе *политики* как таковой... А что сказать о тесно связанном со всем этим глубочайшем моральном кризисе, кризисе этических устоев, концепции «морали и этики в политике» — о том, что можно было бы обозначить термином «морально-политический кризис»? И уже совсем тяжело говорить о кризисе человеческих отношений, о торжестве предательства, сговора, подвоверных и закулисных интриг.

Судебная машина: бразильские «разгребатели грязи». Это — один из важнейших вопросов, поставленных именно бразильским импичментом. Судебные органы работали без остановки. Каждый день антикоррупционная операция «Lava Jato» вовлекала в зону своего действия все новых высокопоставленных чиновников и политиков из *всех* политических лагерей и из *всех* партий. Судебные дела были возбуждены персонально против первых лиц политической системы страны. Правые и левые, члены президентского окружения и лидеры оппозиции, спикеры обеих палат парламента, депутаты и сенаторы, руководители крупнейших компаний (и не только «Petrobras»), а после временного отстранения Руссефф уже и сам временный президент Темер, а также члены новоиспеченного кабинета — все оказались в зоне действия судебной машины, которая действительно работала на полных оборотах. Образ независимой юстиции воплотился в облике федерального судьи Сержиу Мору: вскрывая коррупционные связи сильных мира сего, он стал «национальным героем», которого немалая часть общества хотела бы видеть чуть ли не будущим президентом.

Этот небывалый для Бразилии (да и для многих других латиноамериканских стран; впрочем, сейчас нечто подобное наблюдается в Аргентине) феномен стал и удивительным, и пугающим. Возник вопрос: что предпочтительнее для Бразилии — закулисные договоренности элит или методичная работа независимой судебной машины, доказавшей свою способность бороться с правящими элитами институциональными методами, выявляющей всепроникающую коррупцию и нарушения закона, но одновременно *объективно* способной *взорвать* пусть и призрачное, но все же спокойствие общества, *разрушить* устоявшуюся политическую стабильность? Или Бразилии, как говорят сегодня аналитики, необходимо пройти через жесткие «испытания демократией», и тогда импичмент на деле мог бы стать действенным механизмом очищения, помогающим сформировать новое качество политической системы и социальной устойчивости? Да, страна переживает сложный этап своей истории. В прежние времена скандал, подобный нынешнему, мог бы привести к военному перевороту или революции. Но сегодня ничто не указывает на возможность социального взрыва.

Работа бразильской судебной машины неожиданным образом продемонстрировала еще одну сторону современной жизни. В сегодняшнем мире — в век высоких информационных технологий, делающих доступной *любую* информацию (вспомним хотя бы «WikiLeaks» или «панамское досье»), при развитости социальных сетей, открываемых Интернетом новых возможностях ведения расследования, транспарентности документации — невозможно, как прежде, путем закулисных маневров и скрытых переговоров долго утаивать факты коррупции, подлог, мошенничество, фальсифицированные транзакции, незаконные схемы отмывания денег и тайные счета, а «секретные материалы» надежно упрятать в пуленепробиваемые сейфы. Наступил новый уровень прозрачности и доступности того самого «тайно-

го», которое на наших глазах «становится явным». И эта новая ситуация может влиять и, как показывает опыт Бразилии, уже влияет на расстановку политических сил и может затронуть всю конструкцию политической системы.

Многоликое предательство. Импичмент высветил такой нечасто исследуемый аспект политического противоборства, как *различные виды* предательства, совершенные и на уровне политических структур (выход PMDB из президентской коалиции, после которого события покатались, как снежный ком, как удар в спину правительственному альянсу, самой идее межпартийных блоковых союзов, на которой издавна зиждется бразильская политика), и на чисто человеческом уровне (Темер стал олицетворением обоих видов предательства; даже не Кунья — давний враг Дилмы, и ни в коем случае не Невис как лидер оппозиции, которому «положено» бороться за власть против власти действующей, а именно тихий, благонамеренный Темер, страдавший, как выяснилось, от неудовлетворенных амбиций и давно ненавидевший президента, с которым дважды шел в «связке» на выборах!)

Изучая историю, да и перипетии сегодняшних драматических событий в разных точках земного шара, мы всегда обращаем внимание на экономические, политические, идеологические факторы — и совершенно справедливо, так как они лежат в основе всего. Но все чаще и все более отчетливо мы убеждаемся в старом и не менее справедливом тезисе о том, что историю творят люди, личности. Игра страстей, благородство или подлость, порядочность или цинизм — все эти сугубо человеческие «знаки отличия», выходя на первый план, способны перевернуть устои, сокрушить ранее казавшееся незыблемым. История предательства по отношению к высшему лицу бразильской политики со стороны его заместителя, второго высшего лица политической пирамиды — яркое тому подтверждение. Неслучайно ни в Бразилии, ни за ее пределами практически нет человека, который, наблюдая и анализируя второй бразильский импичмент и не относясь при этом к «лагерю Дилмы», не выразил бы сожаления по поводу того, *как незаслуженно и непорядочно поступили с этой женщиной, как ее предали...* И это — поведение бывших друзей или открытых недругов, но, как будет показано далее, с «нынешними» соратниками все тоже обстояло непросто.

«Правый поворот» по-бразильски. Он отразил общелатиноамериканский политический крен и сам явился его важнейшим протагонистом. При анализе этой наиважнейшей причины невозможно абстрагироваться от упомянутой выше *крайней степени политизации* импичмента, от того, что он разворачивался в обстановке острейшей и напряженнейшей политической борьбы и противостояния, начавшихся в период выборов 2014 г. Правый крен ярко проявился в составе и ориентациях парламента. На протяжении 2015 г. правая оппозиция набирала силу и повела настоящее наступление по всем фронтам: обструкция шагов Дилмы в парламенте, дискредитация ее политики, не говоря уже о позорном голосовании 17 апреля 2016 г. в нижней палате, когда депутаты голосовали именем «Бога и Родины», а один из них — именем настоящего военного преступника, который в годы военного режима возглавлял один из наиболее репрессивных пыточных и расстрельных органов диктатуры (DOI-CODI) и «знал» находившуюся там же в застенках молодую Дилму. В этом же ряду — ожесточеннейшая кампания против РТ и Лулы, нацеленная на его унижение, психологический слом (достаточно вспомнить принудительный привод на до-

прос в марте 2016 г., а также открытые против него многочисленные судебные расследования), неприкрытые злоба и ненависть представителей политической и художественной элиты, изливавшиеся из прессы, блогов и соцсетей. И все это было нацелено на одно: устранить Лулу из президентской гонки 2018 г., подвести черту под эрой «лулизма».

Традиционная система управления («коалиционный президентализм»). Это — подлинная «бомба замедленного действия», заложенная в политический механизм Бразилии. На первый взгляд налицо логичная (и укоренившаяся во всех латиноамериканских странах) система, сочетающая президентализм американского типа и парламентаризм на европейский лад. Результат — суперпрезидентство, опирающееся на пропорциональную систему парламентского представительства. При этом ни одна партия в парламенте не имеет подавляющего большинства и для проведения нужных законопроектов должна образовывать коалиции. Необычайного расцвета такая система достигла именно в Бразилии. Здесь президент является главой государства и главой правительства, но при этом опирается на широкую межпартийную коалицию, позволяющую ему прийти к власти, и впоследствии места в кабинете распределяются между партиями — членами коалиции. Долгое время считалось, что бразильский вариант подобной системы был довольно успешным. Президент не имеет собственного большинства, но распределение министерских постов между «союзными» партиями и получение в обмен на это голосов позволяет ему иметь в парламенте легальную базу и избегать заторов на пути продвижения правительственных решений; когда политический класс действует осмотрительно, это приносит свои плоды.

Однако в Бразилии внешняя привлекательность данной модели «сотрудничества» «президентской вертикали» и законодательной ветви власти обернулась немалыми изъятиями. В нынешнем конгрессе представлены 28 партий: некоторые объединены в коалиции, другие действуют самостоятельно, примыкая к сильнейшим, но для всех характерно несоблюдение партийной дисциплины, когда депутаты могут «перебегать» из фракции во фракцию в погоне за политической выгодой и прямыми подачками от исполнительной власти. Это очень часто приводит к тому, что, преследуя корыстные интересы (личное обогащение, получение преференций, финансовых поощрений для «своих избирателей», которые впоследствии обеспечат переизбрание данного депутата), они неприкрыто торгуют голосами¹¹. Именно этот фактор лежал в основе разгоревшегося в 2005 г. коррупционного скандала «mensalão», в котором было замешано правительство РТ и который едва не стоил Луле импичмента: речь шла о попытке управлять методом «мегакоалиции» и о «покупке голосов» депутатов (путем выплаты им ежемесячных дополнительных и очень весомых зарплат, отсюда и название*) в обмен на поддержку ими правительственных законопроектов. Подобные методы практиковала и Дилма, но, однако, в этих неблагоприятных действиях не стоило бы обвинять только ее и Лулу, ведь такая практика существовала и до них, и продолжает широко применяться при Темере. Такова традиционная бразильская система управления, складывавшаяся на протяжении более ста лет, уходящая корнями в начало XX в.

* От «mensal» (порт.) — ежемесячный; добавление увеличительного суффикса -ão указывает на необычайные размеры предмета (в данном случае — *зарплата*).

На наших глазах «коварство» «коалиционного президентализма» и скрытая в нем «мина» особенно ярко проявились в тот момент, когда в конце марта 2016 г. второй по значимости после правящей РТ член коалиции — PMDB — вышла из союза и, соответственно, потребовала выхода из кабинета своих представителей. Это означало начало конца правления Руссефф: вслед за PMDB коалицию (и правительство) покинули другие партии, РТ осталась в одиночестве и изоляции, а кабинет развалился. «Коалиционный президентализм» четко обозначил пределы бразильской модели управляемости.

Коррупция. Этот пункт — один из кардинальных в нынешнем печальном финале бразильского «восхождения». Коррупция, к сожалению, и раньше была бичом Бразилии, но приходится констатировать, что, как показали события 2015—2016 гг., в настоящее время она приобрела всеобъемлющие масштабы. Переросший в импичмент политический кризис начался с раскручивания крупнейшего за всю историю страны коррупционного скандала, а начавшееся расследование показало, что коррупция не просто достигла всепроникающих размеров, поразив практически весь политический класс, высшую, среднюю и низшую ступени пирамиды власти, но и превратилась в угрозу самим основам управляемости. Именно отсюда происходят и неэффективное управление, и потеря управляемости, и идущая вслед за ними политическая нестабильность. Высшие лица государства — новый президент, спикеры обеих палат парламента (третий и четвертый «номера» в конституционной цепочке передачи президентской власти), две трети депутатского корпуса и многие сенаторы, министры, политики, губернаторы и мэры замешаны в коррупционных связях. Когда спикер нижней палаты Кунья, «увешанный» пятью следственными делами, был, к удовлетворению гражданского общества, лишен своего поста, то пришедший ему на смену новый (временный) председатель палаты Валдир Мараньяу... тоже оказался подследственным. Совершенно очевидно, что без очищения политического пространства от пронизавших его коррупционных связей, без обрубания щупальцев «коррупционного спрута», «объятия» которого привели страну практически к слому политической системы, «ремонт» этой системы не состоится.

И, конечно, большая доля критики должна быть адресована РТ. Правящая партия оказалась сверху донизу замешана в двух крупнейших скандалах: в «petrolão», а до этого в «mensalão»¹². Партия, которая пришла к власти на волне лозунгов «этики и морали в политике», которая приобрела серьезный авторитет не только в «народных массах», но и среди представителей среднего класса, у предпринимательского сословия, у молодежи, партия, «поднявшаяся» на справедливой критике погрязших в коррупции власть имущих и провозгласившая борьбу с коррупцией одним из своих основных лозунгов, — эта партия очень скоро после прихода к управлению страной стала неотличима от прежних правителей. В скандале «mensalão» напрямую участвовали первые лица РТ и ближайшее окружение Лулы, но в самый острый период его удалось замять (хотя впоследствии фигуранты скандала были осуждены и отбывают наказание). «Petrolão» же замять не удалось: он спровоцировал такое политическое цунами в виде импичмента Руссефф, которое может не просто убрать РТ с политической арены, но и перестроить всю политическую систему Бразилии.

Сторонникам РТ и того социально-экономического пути, по которому она направила страну, досадно сознавать, что прозвучавшие на весь мир успехи, особенно в социальной сфере, превратившие Бразилию во многом в образец для подражания, высочайшие рейтинги Лулы на всем протяжении его правления и в момент ухода из власти, и Дилмы — в начале ее первого мандата, а также высокая репутация РТ как крупнейшей левой партии, сумевшей совершить действительно крупный социальный сдвиг в огромном, обремененном проблемами и очень сложном для реформирования государстве, — все это оказалось перечеркнуто неблагоприятными поступками как лидеров партии, так и других функционеров. И это совершенно лишило РТ даже аргументов для самозащиты. Свое участие в коррупционных схемах руководство партии начинало под весьма благозвучными предложениями «борьбы за интересы народа» (за справедливость, за принятие законопроектов для улучшения положения бедняков и т.п.): что же поделаться, рассуждали они, если для того, чтобы продолжать оставаться во власти и проводить политику «для народа», надо дать взятку или «купить голоса» — ведь цель-то стоит того. И вот «благая цель» не оправдала тех средств, которые использовались для ее достижения. Общество восстало против этого и, однажды приведя РТ к власти, теперь потребовало ее ухода. Отказавшись реформировать политическую систему, РТ сама попала в политическую ловушку. Коррупционные скандалы с участием РТ привели к еще одному важнейшему для самоощущения общества феномену: грандиозному разочарованию в политиках, реформах, идеях. Глубинными же причинами столь разительных изменений РТ стали охватившие ее после прихода к власти процессы «обюрокративания», обуржуазивания, отдаления от гражданского общества¹³.

Ошибки Дилмы и Лулы. У Дилмы их было немало и в плане экономики, и в методах управления государством. Этого отрицать нельзя. А еще больше было обвинений и в неумении управлять, и в экономической некомпетентности, приведшей к «нарушению бюджетно-финансового равновесия» и «разбалансировке» экономики в целом, что и «лишило Дилму народной поддержки» (хотя она — дипломированный экономист; да и как можно обвинить в «неумении управлять экономикой», если налицо объективный сложнейший процесс, тесно связанный с состоянием мирового хозяйства, да еще и наталкивавшийся на противодействие — иногда даже употреблялось слово «саботаж» — парламента), и в неуживчивом характере, невнимании к чужому мнению. Разговор об этом — особый. В данный момент хотелось бы подчеркнуть только те ошибки, которые носили поистине катастрофический характер и во многом стали катализатором импичмента. Крупнейшая из них — назначение Лулы руководителем президентской администрации со статусом неприкосновенности с целью вывести его из-под следствия. И хотя это действие тоже прикрывалось «благими намерениями» — стремлением использовать способности Лулы как переговорщика для предотвращения распада правительственной коалиции, — на деле оно стало тем спусковым крючком, который вызвал всеобщее возмущение, еще больше дестабилизировал ситуацию и в конечном счете ускорил импичмент. Что же касается Лулы, то прискорбно было наблюдать его попадание в жернова юстиции, открытие против него целого ряда следственных дел по многим мотивам. Лула был — и это признают даже его недруги — действительно самым популярным президентом в истории Бразилии. Его репутация в Бразилии и в мире была необычайно высока. По оконча-

нии второго мандата его рейтинг составлял 85%. После 2010 г. на международных политических площадках активно обсуждался вопрос о его возможном избрании генсеком ООН. А во время грандиозных мартовско-апрельских манифестаций 2016 г. над крупнейшими городами Бразилии плыла огромная «кукла» Лулы, обряженная в арестантскую робу с тюремным номером на груди... В июле же бразильские газеты, еще недавно публиковавшие триумфальные отчеты о его деятельности, вышли с заголовками, написанными аршинными буквами: «Лула обвинен».

Конец харизматического лидерства? Констатируемое латиноамериканскими политологами окончание политического цикла, ярчайшей чертой которого стала роль харизматических лидеров левого толка, проявилось в Бразилии во всей полноте. И хотя сегодня никто с полной определенностью не может утверждать, что Лула как крупная политическая фигура не появится на политическом небосклоне вновь (треть общества непоколебимо стоит за него, о чем свидетельствуют все опросы, а один из них, датированный серединой июля 2016 г., предрекал: «если бы выборы состоялись завтра», Лула бы победил в первом туре; правда, с поражением во втором), на момент импичмента Руссефф он — политик, растерявший свои политические и моральные преимущества. Имевший высочайшую в истории Бразилии народную поддержку, Лула через восхождение и успешное правление пришел к невеселому финалу.

Вот он, парадокс лидерства! Когда Лула в 2002 г. победил на выборах, народ ждал от своего кумира быстрого выполнения обещаний и немедленных результатов. Понятно было, что при отсутствии этих результатов народ бы отвернулся от своего лидера — возможно, несправедливо, но это было бы именно так. Но в случае Лулы, который, вступив в должность президента 1 января 2003 г. и приведя к присяге правительство 2 января, *уже с 9 января начал реформы* (программа «Нет голоду»), народ ожидаемый результат *получил*: в стране произошли невиданные до того трансформации, которые и зримо улучшили его положение, и преобразили облик страны в целом. (Даже нынешний президент Темер не в силах полностью отменить эти реформы и неоднократно заявлял, что будет их «продолжать», пусть и в усеченном виде.) Откуда же тогда возникло столь быстрое «разочарование» в своем лидере, почему не было крупных, *знаковых* и *значимых* выступлений, почему «новый средний класс» — в чистом виде «произведение Лулы»! — не вышел на улицы, не сказал своего весомого слова, не выступил против «клеветы» в отношении Лулы, не поставил предел импичменту? Не потому ли и РТ, и адвокаты Дилмы, действовавшие на судебном поле, не получая энергетической подпитки от масс, от настроения низов (как говорят в Бразилии, от «улиц»), *проиграли* тем, кто продвигал — и продвинул — импичмент?..

А что же РТ? Это — «вопрос вопросов» и еще один парадокс. Во время правления Дилмы партия ее и поддерживала, и не поддерживала, занимая позицию критики слева. В конечном счете тот клинч, в который попала Дилма и который фактически поставил крест на ее правлении, заключался в том, что она оказалась между двух огней. Победив на выборах 2014 г. с минимальным отрывом от соперника, представлявшего правую оппозицию, Руссефф логичным образом, стремясь стать «президентом не одной лишь РТ, а всех бразильцев», попыталась скорректировать свой курс, придав большее значение роли частного бизнеса, сделав крен в сторону неолиберальной политики секвестра бюджета. Но в результате правые не осла-

били нападки на Дилму, а левые все больше отворачивались, обвиняя ее в «предательстве» и невыполнении предвыборных обещаний. РТ, конечно, выступала против импичмента, но ее критическая позиция по отношению к главе государства не ослабевала. В результате Дилма оказалась в абсолютном «политическом одиночестве» при почти полном параличе власти.

Политическая «развязка» в этих отношениях не замедлила наступить. Хотя руководство партии продолжало рутинно твердить о своей борьбе против импичмента и за возвращение Дилмы на пост президента, его действия свидетельствовали об ином. В самые драматические — хотя и предрешенные — дни голосования, давшие «зеленый свет» заключительной процедуре импичмента в сенате, РТ *открыто не поддержала* своего президента Дилму Руссефф! Поразительно, но 4 августа, в день голосования сенатской комиссии (14 — за импичмент, 5 — против), когда, по выражению бразильского журналиста Жозуэ ди Соузы, Дилма уже «всходила на эшафот» (оставались всего два шага до окончательного отрешения от должности: голосование пленума сената 9-10 августа и финальный суд 25-31 августа), руководство РТ собралось на заседание в Сан-Паулу для обсуждения... перспектив участия партии в октябрьских муниципальных выборах, а *вопрос об импичменте вообще не стоял на повестке дня*. «Что ж, — сказал председатель РТ Руй Фалкау для оправдания этого молчания, — решение сенатской комиссии было вполне предсказуемым»¹⁴. Хорошее заявление лидера правящей (номинально, конечно) партии по вопросу об *устранении* своего президента! Он же заявил, что партия не поддерживает предложение Дилмы о проведении референдума о досрочных выборах — а ведь это был главный аргумент Руссефф, который она выдвинула в случае своего «оправдания» в ходе импичмента. Лидер партии и другие участники заседания повторили свой давний упрек Руссефф: она должна была отказаться от неолиберальной политики, «которая и повлекла за собой обострение кризиса, в конечном счете приведшего к импичменту».

Подобное дистанцирование стало результатом той критики, которой Руссефф подвергла партию за участие в коррупционных схемах, призвав ее «публично признать свои ошибки». Но главное не в этом. Дилма стала *бременем* для РТ. «Какое счастье, — восклицал один из экспертов, — что голосование по импичменту в сенате — открытое. Если бы оно было тайным, многие члены РТ предпочли бы «избавиться» от нее». Своим приоритетом в те драматические дни РТ избрала организацию презентации книги в защиту Лулы. Осуществлялся негласный принцип: «Без Дилмы партия выживет. Без Лулы же она лишится души»¹⁵.

Ситуация повторилась. Первый раз — политический клинч между правыми и левыми привел правление Дилмы к краху. Второй раз — отказ РТ встать на ее защиту в условиях приближавшегося на всех парах завершения импичмента означал самую крупную за все время политическую и человеческую изоляцию Дилмы. Да, она как абсолютно честный человек выступила с критикой коррупционных «наклонностей» правящей партии, но разве могла партия, от имени которой правила Дилма, покинуть ее в столь драматический момент? В решающие августовские дни импичмента от общения с ней и тем более от голосования в ее пользу один за другим отказывались ее бывшие министры и сотрудники. «Запертая в золотой клетке»

президентского дворца Алворада, Дилма осталась с группой ближайшего окружения числом менее двух десятков человек.

А что же «народ»? Это еще один — и наиважнейший! — вопрос, требующий специального и развернутого исследования. Если позиция среднего класса и высших слоев, не просто отвернувшихся от Дилмы и Лулы, но развязавших против них озлобленную и часто оскорбительную кампанию в прессе и социальных сетях, объяснима (неожиданно взывавшая «классовая ненависть» — через 12 лет ее мнимого отсутствия), то зарегистрированный опросами стремительный отход «бывших бедняков» от своих недавних кумиров вызывает немало вопросов. Еще недавно мало кто мог вообразить, что более половины бразильцев предпочтут «невнятного заговорщика правого толка» Темера «невиновной, подвергаемой преследованиям и прогрессивной Дилме»¹⁶. И совсем непонятно, каким образом бразильское общество всего через два месяца после прихода к власти временного президента с его кабинетом с шестью коррумпированными министрами вдруг разом поверило в скорое улучшение экономической ситуации (а ведь всплеск такой внезапно возникшей «веры» новому кабинету действительно был отмечен соцопросами)? Почему Темера отвергает 31%, а Дилму во время ее президентства отвергали 65%¹⁷? Как объяснить то, что большая часть общества на всем протяжении процедуры импичмента считала, что Дилме уже не вернуться во власть, и правление Темера предпочтительнее? Ведь его личный рейтинг подрос от жалких 2% до низких 13-14%¹⁸ — яркое свидетельство непопулярности и отсутствия авторитета.

Вывод: не стоит выдавать желаемое за действительное и считать, что «народ всегда прав» и не может предать своего недавнего лидера. Видимо, надо понять, что крупные общественные слои мыслят подчас не теми категориями, которые им хотели бы приписать политики и аналитики. И подчас интересы этих слоев далеки от чистой идеологии, а основываются на повседневных заботах. В случае бедных слоев это — проблемы *ежедневного* пропитания и выживания. Бедняки задали одному из журналистов такой вопрос: «Как Вы думаете, повысит ли Темер цену на бобы?». В этом вопросе — и ответ...

Бразильский импичмент «2016 года издания» породил много вопросов — и тактических, сиюминутных, и долговременных, почти философских; и тех, ответ на которые очевиден, и таких, над которыми надо долго размышлять и после которых надо ставить либо многоточие, либо знак вопроса. Не подлежит сомнению лишь одно: в истории Бразилии перевернута очередная страница, и страна вступает в новый этап своего развития — *правый поворот*.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Л.С.Окунева. Импичмент президента Бразилии: *как это было*. — Латинская Америка, 2016, № 8, с. 28-42. [L.Okuneva. Impichment prezidenta Brazili: kak eto bylo] [Impeachment of the President of Brazil: writing its recent history]. Latinskaya Amerika, 2016, N 8, p. 28-42; Л.С.Окунева. Импичмент Д.Руссефф — свершившийся факт. — Портал Российского совета по международным делам [L.S.Okuneva. Impichment D.Russeff — svershivshij'sja fakt] [Impeachment of D.Rousseff — the event just happened]. Portal Rossijskogo soveta po mezhdunarodnym delam. — Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8075#top-content

- ² Available at: <http://politica.estadao.com.br/noticias/geral,dilma-faz-carta-de-compromissos-caso-consiga-reverter-impeachment,1000005639>.
- ³ Латинская Америка, 2016, № 6, с. 36 [Latinskaya Amerika, 2016, № 6, p. 36].
- ⁴ Available at: <http://politica.estadao.com.br/noticias/geral,palavra-golpe-estara-estampada-na-testa-de-quem-votar-pelo-impeachment--diz-dilma-em-video,10000026320>; Dilma Rousseff. Democracia: o lado certo da história. — Available at: <http://www1.folha.uol.com.br/poder/2016/04/1761562-democracia-o-lado-certo-da-historia.shtml>
- ⁵ См. об этом: Л.С.Окунева. Президентские выборы 2014 г. в Бразилии. — Латинская Америка, 2015, № 1, с. 5-6 [L.S.Okuneva. Prezidentskie vybory 2014 g. v Braziliii] [Brazil's presidential election 2014]. Latinskaya Amerika, 2015, № 1, p. 5-6.
- ⁶ Н.А.Тринкунас. ¿Se enderezará Brasil? — Available at: <https://medium.com/@CRIESLAC/se-enderezar%C3%A1-brasil-fff64aa98abb#f6c4afcxf>; C.М.е.а. Brasil, la amarga verdad. — Available at: <http://www.paginasiete.bo/opinion/carlos-d-mesa/2016/4/24/brasil-amarga-verdad-94277.html>
- ⁷ Б.Ф.Мартынов, Л.Н.Симонова. Бразилия перед нелегким выбором. — Латинская Америка, 2016, № 2, с. 24. [B.Martynov, L.Simonova. Brazilia pered nelegkim vyborom] [Brazil before a hard option]. Latinskaya Amerika, 2016, N 2, p. 24.
- ⁸ Ibid., p. 26.
- ⁹ Подробнее см.: Л.С.Окунева. Президентские выборы 2014 г. в Бразилии. *Op. cit.*, p. 11-13.
- ¹⁰ C.М.е.а. *Op.cit.*
- ¹¹ P.Anderston. La crisis en Brasil. — Available at: <http://www.vientosur.info/spip.php?article11235>
- ¹² О скандале «mensalão» см. подробнее: Л.С.Окунева. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е годы — 2006 г.). М.: МГИМО-Университет, 2008, с.708-714 [L.S.Okuneva. Brazilia: osobennosti demokraticeskogo proekta. Stranicy novejshej politicheskoi istorii latinoamerikanskogo giganta (1960-e gg.—2006 g.)] [Brazil: Particularities of the Democratic Project. Great Items of the Contemporary Political History of the Latin American Giant (from 1960s up to 2006)]. Moscow, MGIMO-Universitet, 2008, p. 708—714.
- ¹³ О становлении и эволюции ПТ см.: Л.С.Окунева. Бразилия: особенности демократического проекта. *Op. cit.*, p. 593—599; З.В.Ивановский. Бразилия: поставторитарное развитие и Партия трудящихся. — Латиноамериканский исторический альманах, 2015, № 2, с. 145-174 [Z.V.Ivanovskij. Brazilia: postavtoritarnoe razvitie i Partija trudjashhihsja] [Brazil: postauthoritarian development and the Workers Party]. Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah, 2015, № 2, p. 145-174.
- ¹⁴ J. de Souza. Proximidad de la “guillotina” aparta al PT de Dilma. — Available at: <http://josiasdesouza.blogosfera.uol.com.br>
- ¹⁵ J. de Souza. *Op.cit.*
- ¹⁶ J.A. r í a s. Como é possível que a maioria dos brasileiros prefira Temer a Dilma? — Available at: http://brasil.elpais.com/brasil/2016/07/18/opinion/1468843724_712177.html
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Available at: <http://www.infolatam.com/2016/07/03/solo-un-13-de-los-brasilenos-valorapositivamente-el-gobierno-de-temer>; http://brasil.elpais.com/brasil/2016/07/16/politica/1468704377_340327.html

Liudmila Okuneva (liudmila31@yandex.ru)

Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Leading Research Fellow, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Impeachment of the President of Brazil: reflections and conclusions

Abstract. The article deals with some conclusions and reflections of the dramatic vicissitudes of political crisis in Brazil, which has resulted in the impeachment of the Brazilian president Dilma Rousseff. The author considers the controversy around the evaluation of impeachment as a "democratic process" or "coup d'état" and analyzes its causes, in particular the crisis of the economy, of the political and party system, of the public administration and the role of the personal factor in further developments.

Key words: Brazil, impeachment, Dilma Rousseff, Lula da Silva, Michel Temer.